

Карцов А.С.

Римское право как учебная дисциплина в представлениях русских консерваторов конца XIX - начала XX в.

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3211>]

[Публикация работы:]

Карцов А.С. 2003: Римское право как учебная дисциплина в представлениях русских консерваторов конца XIX - начала XX в. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (11), 73-92.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

А. С. КАРЦОВ*

**РИМСКОЕ ПРАВО
КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

В какой бы стране ни происходила рецепция, она всегда будет обладать двумя аспектами.

Первый аспект – собственно юридический. Он характеризует особенности адаптации местным правом римских институтов и процедур.

Второй аспект – идеологический. Это рефлексия, испытываемая по поводу рецепционных процессов идеологиями, имеющими хождение в соответствующую эпоху. При этом происходит соотнесение категорий римского права с ценностями, содержащимися в присущих данному историческому времени типам восприятия социально-политической действительности.

Переживание рецепции на таком уровне могло привести к ее пламенной защите (при отождествлении римского права с этико-социальными ценностями, чтимыми носителями данного мировосприятия) или же, наоборот, к ожесточенному ей сопротивлению (при обнаружении конфликта римского права с культивируемыми этико-социальными ценностями). Но при том и другом исходе у мотивов, побуждающих радоваться проникновению римского компонента в национальный правовой уклад или негодовать по этому же точно поводу, нужно искать не столько специально-юридическую, сколько идеологическую подкладку. То усвоение норм римского права, которое имело место в России, не составляло в этом отношении изъятия.

Указанные соображения следует иметь в виду, подходя к решению ближайшей задачи настоящей статьи – анализу воззрений русских консерваторов относительно того места, которое, на их взгляд, надлежало предоставить римскому праву в рамках высшего юридического образования.

I

В качестве учебной дисциплины римское право в каком-то смысле оказалось в России меж двух огней.

С одной стороны, радикальное крыло русской общественной мысли относилось к усиленному преподаванию римского права, как правило, негативно. Оно находило, что в нем слабо выражен социальный аспект и, наоборот, утрирован аспект охранительный, узаконивающий наличное распределение собственности. Отсюда – предрасположенность воспринимать римское право в ампула учебной дисциплины почти в том же самом свете, в каком воспринималось преподавание древних языков (левые, правда, предпочитали называть последние «мертвыми языками»). И то и другое соприсчислялось к реакционным мероприятиям правительства в области образования, чья цель – заслонить от

* Карцов Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, кандидат политических наук, кандидат философских наук, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

молодежи те дисциплины, которые оппозиция царскому режиму маркировала в качестве «прогрессивных» (естествознание в средней школе, «передовые» теории государства и права – в высшей).

Что касается либералов, то хотя одна их часть поддерживала расширение преподавания римского права, рассматривая его как эффективное средство большего сближения отечественной правовой культуры с европейским правопониманием, другая вслед за левыми (впрочем, в условиях старой России разница между первыми и вторыми никогда не была отчетливо ощутимой) была склонна видеть в римском частном праве своего рода Цербера окостеневших социально-экономических отношений. Согласно точке зрения одного из представителей либеральной профессуры, Н. А. Гредескула, «римские юристы создали книгу гражданского права, а мы, их последователи, до сих пор только читали и перечитывали эту книгу на разные лады, но время переросло чтецов и переписчиков, оно требует самостоятельных мыслителей». Поэтому римское право, «по ретроградности своих тенденций для данного времени, является теперь весьма нездоровой пищей»¹.

С другой стороны, на римское частное право как предмет преподавания шло наступление справа. Его вели консерваторы, верующие в неповторимость исторического пути России и его коренного несовпадения с судьбами Запада. Применительно к целям настоящей статьи они будут называться консерваторами-самобытниками.

Самобытнические тенденции, проявлявшиеся в том числе и в подозрительном отношении к классическому образованию, можно заметить уже на дореформенном этапе, в частности у некоторых теоретиков официальной народности. Скажем, например, профессора С. П. Шевырева огорчало, что «так называемые “гуманисты” обратили все внимание на классическое учение и вовсе потеряли из виду воспитание народа»². А стоявший на крайнем фланге официальной народности журнал «Маяк» отнесся с явным недовольством к тем выводам, к каким пришел профессор П. Беккер в своей речи «О причинах, по которым изучение литературы латинской необходимо для русских правоведов»³.

В пореформенный период эстафету критики классического образования принимают и несут новые поколения правых самобытников. «Классицизм противен русско-славянскому культурному типу. Славянский дух хотят напитать греко-латинской мертвечиной! Это – антинациональная система воспитания»⁴, – такого рода восклицания переполняли издания рассматриваемого направления. Список прегрешений, за которые осыпалась укоризнами классическая модель, был довольно-таки пространен, ибо с течением времени исправно пополнялся свежими обвинениями. Наиболее мягким среди них было утверждение о том, что классическая модель не справляется с заявленными ею же самой целями. «Добро бы дефекты незнания русской истории восполнило знакомство с античной культурой, с политическим и общественным устройством Рима и Эллады! Так и того не было. Знали только грамматику»⁵, – пеняли консерваторы-самобытники на почти, как им казалось, полное замыкание классического образования на лингвистической грани античной культуры.

Умеренные самобытники осуждали оказавшихся в состоянии определять правительственный курс консерваторов-«классицистов» (и прежде всего тогдашнего министра народного просвещения, графа Д. А. Толстого) за попытку наперекор куль-

¹ Полезное подражание // Россия. 1900. № 280. С. 1–2.

² Шевырев С. Об отношении семейного воспитания к государственному // Москвитянин. 1842. № 7. С. 50.

³ Корсаков П. Речи, произнесенные на торжественном собрании Ришельевского лицея в Одессе // Маяк. 1840. Ч. VIII. С. 201–204. Впрочем, в «Москвитянине», отличавшемся большей умеренностью, можно было встретить и несколько иную позицию по поводу целесообразности изучения латыни. Ср.: <И. Д.> Об изучении латинского языка // Москвитянин. 1842. № 12. С. 337–350.

⁴ Свет. 1911. № 344. С. 1.

⁵ Там же.

турным и этнопсихологическим реалиям насадить в отечественной школе плохо применимый зарубежный опыт. Вместе с тем при всем своем почвенничестве известная их часть полагала немаловажным достижением – с консервативной точки зрения – иные результаты образовательной реформы 70-х гг. XX в. Общее соотношение плюсов и минусов виделось приблизительно следующим: «Ошибка графа Д. А. Толстого в том, что он слишком настойчиво и непосильно для юношества проводил классическую систему, для которой русская почва не столь благоприятна, как, например, английская, где классицизм достигает пышного расцвета и считается необходимым условием для приобретения широкого образования. Но граф Д. А. Толстой водворил властной рукой в школе дисциплину и через то поднял в обществе уважение к учащемуся юношеству»⁶.

Однако те консерваторы-самобытники, которые стояли на более непримиримых позициях, обличали классическую модель не только в «пагубности для русской культуры», но даже в «подготовке наших сил к революции»⁷. Логика их рассуждений была приблизительно такова. Революция являет собой лишь конечное звено в разрыве с Традицией. Первоначальные же звенья куются через выработку у будущих разрушителей традиционного уклада космополитического сознания. А происходит это, в том числе, посредством безжалостного вытеснения из учебных программ предметов, посвященных русскому культурному наследию, предметами, подробнейшим образом рассматривающими историю и язык народов, давным-давно сгинувших во мраке времен.

Собственно русские националисты, находя возмутительным, что «детей пичкают классическими Цезарями и Ксенофонтами, когда учащиеся не имеют понятия о русском эпосе, о былинах, о народной поэзии и героях», считали неотложной полную замену в программах среднего образования классического компонента на предметы, входящие в цикл «отчизноведения» (русская история, русская география, русская литература)⁸. «Почему древние греки и древние римляне для нас несравненно ближе, чем заволжские старцы, составители Судебников или автор Домостроя? Поставьте во главе учебной системы русскую литературу от древнейших времен до нынешних – и вы получите русский классицизм, идеальную гуманитарную школу!» – призывал орган Союза русского народа⁹. А газета думской фракции правых увидела в книге Александра Нечволодова «Сказания о Русской земле» (которую, как было многозначительно отмечено, император Николай II любит читать вслух в кругу своей семьи) давно желанный «капитальный труд по отечественной истории» по той именно причине, что автор исполнил завет И. Забелина, говорившего: «...должен быть культ русских героев, подобно героям греко-римским»¹⁰.

Несколько иной была по данному вопросу позиция представителей консервативного панславизма. Они доказывали, что «должно быть больше школьных предметов, посвященных славянству» (тогда как «сейчас все больше – про Рим и про Запад»). Оттого будет лучше, если классический компонент среднего образования заместить компонентом не столько великорусским, сколько общеславянским¹¹.

Вообще говоря, самобытнические тенденции не были заповеданы никакому направлению в русском консерватизме. Но в наиболее внятной и последовательной форме они проступали у консерваторов славянофильского толка. Именно это течение обуревало наибольшие сомнения по поводу тяжких последствий, которые повлечет за собой более

⁶ Свет. 1908. № 9. С. 1.

⁷ Некрасов П. А. Школа, воспитательное образование и задачи гуманизма // Колокол. 1907. № 461. С. 2–3.

⁸ <А. В.> Оздоровление средней школы // Русское знамя. 1914. № 39. С. 2.

⁹ Медведевский К. Русский классицизм // Вестник Союза русского народа. 1912. № 90. С. 15.

¹⁰ Рылеев В. Сказания о Русской земле // Земщина. 1913. № 1479. С. 4.

¹¹ <А. Я.> Славянская взаимосвязь и школьное воспитание // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1906. № 8. С. 589–595.

или менее тесное знакомство русского юношества с такими атрибутами западной культуры, как римское право и латынь.

Уже первые славянофилы, чтимые всеми разветвлениями позднейшего консервативного самобытничества, были предубеждены против пандектного права, придающего классическому римскому праву дополнительный заряд индивидуализации. Так, А. С. Хомяков решительно выступает против преподносимой Западом «мнимой науки права», которая являет собой не что иное, как тщетное «желание обратить в самобытные и твердые начала факты, выведенные из борьбы тесной римской государственности с дикими понятиями германца о неограниченных правах личности»¹².

Славянофилы настаивали и на генетической присущности России особого типа просвещения (под «просвещением» здесь понимался способ приобщения к накопленным человечеством культурным ценностям). Тип этот рассчитан не столько на получение обучающимся прикладных знаний, сколько устремлен на его духовное совершенствование. «На Западе – схоластические и юридические университеты, а в Древней Руси – молитвенные монастыри, сосредоточившие в себе высшее знание»¹³. Такой антитезой Иван Киреевский истолковывал глубинные причины запоздалого (почти на полтысячелетие) появления в России юридического образования.

Прямым следствием, вытекающим из названной выше общей посылки, явился тезис о тлетворной секуляризации, вносимой римским правом в сознание и самую душу всех, кому по тем или иным причинам уготовано детальное знакомство с ним. Идеологи появившихся в начале XX столетия массовых националистических организаций не только переняли это положение из славянофильского арсенала, но и развили его. «Так называемая “цивилизация” Древнего Рима была исключительно человеческая, направленная к достижению земных и преходящих благ. Сначала, по виду, как будто Рим достиг чудодейственной роскоши, но она не дала счастья и вместо радостей заполнила жизнь казнями и преступлениями. Пал Рим – также падет и нынешняя устроенная людьми жизнь цивилизованной Европы, желающей управляться исключительно человеческим слабым умишком», – предрекал один из таких идеологов, князь М. Н. Волконский¹⁴.

Антагонисты углубленного изучения римского права не могли, как ни пытались, разглядеть в нем сакральные первоисток, чей отблеск осенял законодательства народов древности. «Понятие преступности и позорности известного сорта поступков, которое легло в основание всех сводов законов, почти тождественно во все века и у всех народов. Оно выразилось в заповедях Моисея и даже ранее – в уложениях Индии, Китая, Персии, Египта. Древнейшие религии, скрывавшие основную идею единобожия под символической пестротой идолопоклонства, все же учили добру, проповедуя те же добродетели и карая те же пороки, которые перечислены в заповедях Моисея, ставших ос-

¹² Хомяков А. С. Мнение русских об иностранцах // А. С. Хомяков. О старом и новом. М., 1988. С. 118; Он же. По поводу Гумбольдта // Там же. С. 217.

¹³ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 275.

Боязнь того, что изучение теории права (и в том числе теории гражданского права, в качестве каковой выступала догма римского права) будет подтачивать представления о добре и зле, выработанные в лоне религии и традиционной морали, разделял, к слову сказать, и такой далекий от славянофильских увлечений монарх – Николай I. Любопытно признание, сделанное им барону М. А. Корфу относительно своей подготовленности в области права. «Я помню, как меня в детстве мучили два очень ученых человека. Один толковал о римских, немецких и Бог знает каких еще законах. Другой – что-то о мнимом “естественном праве”. На уроках этих господ мы, великие князья, или звали, или рисовали какой-нибудь вздор, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбежку, без пользы для будущего. По-моему, лучшая теория права – добрая нравственность, а она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию». Оттого, по словам Николая I, «не надо слишком долго останавливаться на отвлеченных предметах, которые потом или забываются, или не находят никакого приложения в практике». См.: <Б. III.> Наши исторические журналы // Московские ведомости. 1903. № 200. С. 3.

¹⁴ Волконский М. Н. Б/н. // Русское знамя. 1912. № 68. С. 1.

новой законов христианского мира. Века проходили, но все же легко было найти руководящую нить, связывающую новые законы со старым бессмертным и неизменным понятием о добре и зле, о необходимом и губительном. Покуда эта связь чувствовалась всеми народами и всеми сословиями каждого народа, до тех пор не было разлада между судебными учреждениями и населением страны. Теперь же между русским народом и русским судом образовалась глубокая пропасть¹⁵, – отмечало праворадикальное «Русское знамя». Как видим, Рим с его законами в этом перечислении отсутствует. И более того, далее прямым текстом дается понять, что как раз с утверждением секуляризованного правосознания, взращенного на почве римского права, связано образование «глубокой пропасти», пролегшей к началу XX в. между народом и правоприменителями.

В целом, консерваторов-самобытников пугала мысль о том, что чрезмерная погруженность русского учащегося юношества в изучение римского права может истребить в будущих правоприменителях и нормотворцах веру в самобытность национальной правовой традиции, приучит их считать достойными существования только институты, содержащие римско-правовые начала.

В одной из предыдущих статей, посвященных непростым взаимоотношениям русского консерватизма с римским частным правом, нам уже приходилось касаться того проекта реорганизации юридического образования, с которым выступил видный специалист в области истории правовых и политических идей В. Вальденберг¹⁶. Раз уж, писал он, студенту «приходится изучать римское право, то в интересах правильного развития русского юриста это изучение (вернее – его влияние на психологию)» надо по возможности смягчить изучением славянского обычного права и государственно-правовой идеологии, обосновывающей традиционные для России политические институты. Между тем «невежество в этом отношении для русского юриста прямо непростительно. ... Теперь человек, считающий себя образованным, постыдится признать, что не знает характерных черт политических теорий Монтескье или Руссо. Но напрасно мы стали бы требовать от выпускника русского университета знания сходства и различия иосифлян и заволжцев». О государственных идеях, положенных в основу самодержавия, студент «знает только понаслышке»¹⁷.

Однако и до того в русской печати – профессиональной и общественно-политической – уже были высказываемы соображения, если не тождественные, то, в любом случае, готовившие романистическим дисциплинам куда более скромное положение в программах юридических факультетов университетов Российской империи, нежели ими доселе занимавшееся.

На рубеже XIX–XX вв. параллельно обсуждению того, как соответствующим образом скорректировать преподавание римского частного права, оживляется интерес к славянскому обычному праву в качестве предмета университетского курса. В частности, высказывается предложение учредить кафедру истории славянских законодательств, существовавшую только в Варшавском университете, во всех университетах империи¹⁸. Тогда же активизируются связи с зарубежными учеными, специализирующимися в юридической славистике. Так, в состав делегации чешской Академии наук на Русском археологическом съезде (1899) вошел в том числе д-р Кадлец, который, как было особо подчеркнуто неославянофильским «Светом», занимается «изучением славянского обычного права»¹⁹.

¹⁵ <А. Б.> Закон Божий и суд человеческий // Русское знамя. 1913. № 48. С. 2.

¹⁶ См.: Карцов А. С. Римское право в зеркале идеологии русского консерватизма // *Ius antiquum. Древнее право*. 2001. № 8.

¹⁷ Вальденберг В. Славянство и Россия в университете // Славянские известия. 1913. № 30–31. С. 474–475.

¹⁸ Грот К. Я. Об изучении славянства. СПб., 1901. См. также: <А. И.> Из области славяноведения // Московские ведомости. 1901. № 45. С. 5.

¹⁹ Славяне в Киеве // Свет. 1899. № 204. С. 1.

В годы первой мировой войны на фоне патриотического подъема все эти идеи обретают новое дыхание и заявляют о себе уже в проекте организации кафедры славянского права²⁰.

Для полноты картины можно вспомнить еще о разработанном архиепископом Волынским Антонием (Храповицким) по поручению Св. Синода проекте Устава Духовной академии, где, в частности, предлагалось «взамен ничего общего с богословием не имеющего латинского языка усилить изучение богословских учений всех православных народностей»²¹. Показательно, что устранению подлежал предмет, который, подобно римскому праву, восходил к культуре Древнего Рима. Впрочем, недоверчивость некоторых консерваторов-самобытников в отношении более или менее глубокого изучения латыни усугублялась еще и тем, что латынь ими ассоциировалась с католицизмом, трактуемым в качестве заклятого врага и православия, и покровительствующей православию русской государственности. Не зря же одну из старейших монархических газет так взбудоражил слух о грядущем введении в Училище правоведения «обучения воспитанников практическим разговорам на латинском языке». Позиционировавшее себя как выразителя славянофильских идеалов издание вознегодовало: «Зачем это нужно – не ведаем, и понять отказываемся!» Введение разговорной латыни, преподавателем которой предполагался к тому же ксендз, по мнению обозревателя издания, – самоочевидные следы плетущейся в училище католическо-незунитской интриги.

Как видим, проект Вальденберга о преподавании славянского обычного права и обосновывающих самодержавие политических учений в качестве баланса изучению римского частного права являлся далеко не единичным примером желания консерваторов-самобытников выправить содержание учебных программ таким образом, чтобы удалить дисциплины, препятствующие (или, во всяком случае, не способствующие) усвоению учащимися понятия о русском своеобразии.

Вместе с тем нельзя пройти мимо некоторых любопытных особенностей, убеждающих, что все же существовали известные градации между отношением консерваторов-самобытников к преподаванию римского частного права и их же отношением к латыни как таковой. Ведь в упомянутом случае с Училищем правоведения «Свет» как-никак поспешил заверить, что его гнев отнюдь не касается ни изучения римского права, ни даже изучения латыни (в качестве вспомогательного предмета, помогающего добротню освоить римское частное право). Ибо для него, «Света», очевидна прописная истина: «В основе науки права лежат древнеримские памятники, с которыми не справишься без хорошего знания латинского языка, отчего понимать латинский язык образованному юристу необходимо»²². Этот обращенный к римскому частному праву реверанс со стороны наследника славянофильской традиции, несомненно, примечателен.

Надо сказать и о том, что окрашенность мировоззрения отдельных романистов в явно консервативные тона (а таковых, даже если не брать наиболее яркий пример Б. В. Никольского, среди университетской профессуры было немало) в какой-то мере примиряла с римским правом и те направления в русском консерватизме, где идея о благотельном значении изучения римского права не пользовалась успехом. Об этом можно судить хотя бы по появившемуся в «Русском знамени» некрологу профессора В. А. Юшкевича, преподававшего римское право в Демидовском юридическом лицее (Ярославль), Училище правоведения (Санкт-Петербург) и Лицее в память цесаревича Николая (Москва). Поминание это было написано бывшим студентом, «близко знавшим покойного и еще так недавно сдававшим пред ним его любимое римское право на государственных экзаменах».

²⁰ <Старый декан.> Университетский устав, война и Государственная Дума // Голос Руси. 1916. № 734. С. 1.

²¹ В чем спасение? // Русская земля. 1909. № 904. С. 2.

²² <Русак.> Интересы дня // Свет. 1911. № 3. С. 1.

Как известно, возглавляемый А. И. Дубровиным «Союз русского народа», чьим центральным органом являлось «Русское знамя», неумоимо сражался с распространением на общинную землю режима частной собственности, т. е., стало быть, порядка, опиравшегося на каноны римского права. Но это нисколько не помешало автору помещенного в «Русском знамени» некролога воздать должное всему, сделанному В. А. Юшкевичем для российской романистики. В первую очередь указывается принесшее В. А. Юшкевичу «всеобщую известность» редактирование русского перевода (включая составление «массы очень ценных для юриспруденции примечаний») учебника «Институций» фон Чиларжа. Учебника, по мнению почитателя заслуг В. А. Юшкевича, «до сих пор считающегося после “Пандект” Дернбурга лучшим руководством для рационального изучения римского права».

По меркам «Русского знамени» в облике почившего профессора является не менее значимым и то, что тот «был – как он раз заявил о своем политическом credo – беспартийным, но убежденным правым». «Русскому знамени» кажется несомненно привлекательным, что хотя ученый романист «и не был “нашим” в полном смысле этого слова, не принадлежа ни к Союзу русского народа, ни к родственным Союзу по духу политическим организациям, но был непоколебимым другом законности и порядка»²³.

Тех, кто в начале XX в. представлял славянофильское течение, не покинула осторожность, с коей их предшественники взирали на возможные последствия дальнейшей рецепции римского права отечественным законодательством. Но в целом здесь прослеживается известный пересмотр скорее отрицательной, чем положительной оценки изучения римского частного права, бывшей уделом более ранних поколений славянофилов. Об этом свидетельствует, помимо прочего, и стремление представить дело так, будто у первых славянофилов бичевание римского права являлось скорее частью антизападной риторики (причем нацеленной на Запад, современный им), нежели критикой реального римского права. Вот что, например, можно прочесть по этому поводу у Вальденберга: «Известно, каковы были взгляды Хомякова на римское право. Он был высокого мнения о его логической стройности. В статье “Об общественном воспитании в России”» он даже настаивал на том, чтобы из университетского курса было исключено позднейшее римское, то есть византийское право, которое не представляет, по его мнению, той цельности, какую мы находим в праве классическом. Но, с другой стороны, Хомяков восставал против крайнего формализма римского права, против свойственного ему поклонения букве. В своих возражениях Киреевскому он как раз проводил ту мысль, что римский формализм есть лишь частичное проявление той склонности к внешней правде, которая характеризует все западное просвещение. Правильное же, полное понимание христианства требует осуществления в жизни не одной только внешней, но и внутренней, следовательно – полной правды»²⁴. Иными словами, доказывалось, что в сочинениях основоположников славянофильства римское право обличается скорее как метафорическое изображение правовой субкультуры, получающей все большее и большее распространение на буржуазном Западе.

²³ <Черный.> За кем теперь очередь? // Русское знамя. 1908. № 220. С. 2. Но мог иметь место и обратный эффект, когда вызванное теми или иными причинами плохое отношение консерваторов к лицам, преподающим римское право, могло сказаться и на их оценке если не самого предмета, то, во всяком случае, качества его преподавания данным лицом (лицами). Так, восприятие остзейских немцев в качестве основной преграды к обрусению Балтийских провинций и потенциальной пятой колонны в случае военного столкновения с Германией оборачивалось неприязнью к немцам-романистам из Дерптского университета. Ср.: «На кафедру римского права назначен барон Фрейтаг-Лориговен, известный более своими дуэлями, чем учеными трудами» (<Его.> Немецко-еврейское засилье в Дерптском университете // Свет. 1912. № 142. С. 2.)

²⁴ Вальденберг В. Естественное право и славянофилы // Славянские известия. 1913. № 55. С. 750.

Со своей стороны, одно из ведущих изданий славянофильского направления вносит необходимое, на его взгляд, уточнение, поясняя, что между православным просвещением и классической образовательной моделью не существует неразрешимого противоречия. Напротив, только перед человеком, постигнувшим древнегреческий язык и латынь, могут открыться все богатства языка церковнославянского. «Сделаться образованным возможно лишь в классической школе. Напрасно говорят некоторые, что изучением языка церковнославянского можно заменить изучение древних языков. Язык церковнославянский вырос на почве греко-римской культуры и постичь его склад и рост можно, лишь зная первоисточники культуры мысли и слова»²⁵.

Конечно, российских филологов-классиков, историков-антиковедов и юристов-романистов подобное обоснование если и могло удовлетворить, то в очень незначительной степени. «Церковнославянская» легитимация преподавания латыни, точно так же как и «церковно-каноническая» легитимация преподавания римского права, казалась им более чем половинчатой. Применительно к римскому праву использование такой аргументации делало его изучение чем-то подсобным и, лишая, таким образом, самостоятельного значения, не давало показать сосредоточенные в римском праве регулятивные возможности, не потерявшие своей действенности и тысячелетие спустя. «В прежние времена, когда смотрели на римское право как на право, чуждое всему ходу отечественного развития, чтобы оправдать изучение римского права, указывали на необходимость исторического изучения церковного права. Подобное старание свидетельствует о весьма грубых еще понятиях, как если бы кто захотел доказывать необходимость изучения латинского языка тем, что он нужен для ботаников или медиков», – замечал в этой связи профессор В. Шнейдер²⁶. Однако для консерваторов-самобытников, и в особенности для славянофилов (принимая в соображение состав и иерархическое построение их системы ценностей), только такой путь обоснования давал наиболее надежную аксиологическую санкцию изучению в учебных заведениях православной державы римского частного права.

К определенному смягчению отношения консерваторов-самобытников к преподаванию римского права кроме уже названных религиозно-культурных мотивов могли располагать и мотивы этнокультурные. На страницах «Света», никогда не отрекавшегося от своей принадлежности к самобытнической линии, мы находим буквально апологию роли римской цивилистики в становлении правовых представлений человечества. «Римские памятники времен царя Юстиниана важны всякому юристу, желающему самостоятельно до тонкости изучать действующее теперь гражданское законодательство Италии, Франции, Германии. Все они выросли из римского права как общего корня. Отражение римских начал можно найти и во многих русских законодательных актах. Поэтому римское право с его источниками, с его историей и догматикой – обязательный и очень важный предмет на юридических факультетах всех наших университетов, а также в Училище правоведения и в Александровском лицее»²⁷. Славянофильская закваска выдает себя здесь подчеркиванием того, что венценосный кодификатор – это «наш славянский Управда». Но заостренность внимания на этническом происхождении Юстиниана ничего не меняла в главном – наступлении определенного потепления в отношении славянофильского сектора русской консервативной мысли к преподаванию римского частного права.

Итак, позиция консерваторов-самобытников в отношении изучения римского права обнаруживала известную историческую изменчивость. Вместе с тем вряд ли будет правильным воспринимать ее как хотя бы изначально представляющую собой нечто моно-

²⁵ Свет. 1900. № 217. С. 1.

²⁶ Шнейдер В. О значении римского права в отношении к новейшим правам // Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1858 г. СПб., 1858. С. 88.

²⁷ <Русак>. Интересы дня // Свет. 1911. № 3. С. 1.

литно цельное. Самобытническое направление вбирало в себя разные группы, которые в том, что касалось оценки европейской культуры и ее отдельных «даров», порой весьма значительно отстояли друг от друга. Если у солидной части славянофильской группы отрицание достижений Запада и пользы от них для России приобретало черты некоего метафизического отторжения, то, скажем, почвенникам (Ап. Григорьев, Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский) такие неистовость и безусловность были не свойственны, что отражалось и на подходе почвенников к изучению римского права. Обратимся в этой связи к статье Н. К. Ренненкампа, опубликованной в «Заре», т. е. на страницах хронологически последнего почвеннического издания. «Римляне, гордые своим *jus civile*, были вынуждены, однако же, выйти из его узкого круга в более широкую систему *jus gentium*, выработанную на основании начал и явлений, общих всем людям, – “*vacaturque jus gentium quasi quo pure omnes gentes utuntur*”. ...Позднейшая юридическая школа XVI–XVII вв. имела задачу более широкую: объяснить внутренний дух и смысл собранного и приведенного в порядок римского права. Для этих целей были призваны на помощь филология, философия, история. В этой-то школе возникает в первый раз в течение средних и новых веков мысль о сравнительной обработке законодательств. Явился целый ряд ученых, стремившихся обработать римское право в связи с правом ленным, церковным, местным, ордонансами»²⁸. Как можно было вывести из дальнейших рассуждений, достижение более трезвого взгляда на римское право предполагалось здесь на путях сравнительного правоведения. По мысли Ренненкампа (которую «Заря», очевидно, нашла вполне созвучной своей платформе), методологическое ударение, поставленное на компаративных приемах преподавания, позволило бы избавиться от экзальтированной восторженности в восприятии римского права, представив его не как вершину, а как неотъемлемую часть всеобщей истории права. Да и в работах старших славянофилов сквозит гораздо большая предрасположенность к историческому изложению римского права, нежели догматическому. Противопоставляя «мнимую науку права» и подлинную «науку прав», А. С. Хомяков не имеет ничего против изучения и преподавания истории позитивного и обычного права. «Наука прав, то есть закона обычного или писаного в его положительном развитии... имеет историческое значение, а следовательно, неоспоримое достоинство»²⁹.

Четверть столетия спустя к воззрению, заявленному почвеннической «Зарей», стали склоняться и некоторые из профессиональных романистов. «Время обособленного изложения истории римского права уже проходит, и в будущем не она должна служить раскрытию законов юридической догматики, а пропущенная Университетским уставом всеобщая история права»³⁰. Другое дело, что помещение римского права в контекст всеобщей истории права потенциально таило в себе две возможности: «расфокусировку» истории права от прицела на римское право и, наоборот, показ развития частно-правовых отраслей права, взятого в мировом масштабе, в качестве единого процесса неуклонного распространения римско-правовых начал от «центра» к «периферии».

II

Все сказанное нами выше не означает, что меж русских консерваторов вовсе не попадались убежденные сторонники классической модели образования и поборники римского права как ведущей юридической дисциплины.

Помимо самобытнического течения, не слишком дружелюбно относившегося к классическому образованию и римскому частному праву, имелось и другое направление.

²⁸ Ренненкампф Н. О современной обработке сравнительного правоведения (по поводу нового журнала «*Revue de droit international et de legislation comparée*») // Заря. 1869. № 3. С. 184–185.

²⁹ Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // О старом и новом. М., 1988. С. 92.

³⁰ Казанцев Л. Значение науки римского права. Киев, 1893. С. 8.

Именуют его по-разному: то как «эстетическое», то как «охранительное» (в узком значении этого слова), то как «ортодоксально-консервативное» и т. д. Виднейшие представители его, М. Н. Катков и К. П. Победоносцев, оказали огромное влияние на правительственный курс 80-х (и, если иметь в виду Каткова, то и 60–70-х гг. XIX в.). Применительно к целям настоящей статьи мы будем именовать принадлежащих к этому направлению консерваторами-государственниками.

На словах эта ветвь пореформенного консерватизма декларировала самобытность России, но, по сути, не видела непреодолимых различий между западноевропейским абсолютизмом и русским самодержавием. Консерваторы-государственники, в отличие от консерваторов-самобытников, не занимались ни идеализацией допетровского периода, ни эстетизацией простонародных нравов. В классическом образовании они надеялись обрести панацею от рискованного (с точки зрения интересов господствующего порядка) увлечения молодежи как естественнонаучными знаниями, вселяющими нездоровую критичность, так и новейшими социальными учениями. И то, и другое, как казалось консерваторам, подталкивало юношество к пренебрежению «преданиями», т. е. идеологией, которой легитимировался традиционный уклад.

Конечно, другой вопрос, насколько адекватно античная культура во всей своей полноте могла быть передана при посредстве именно той модели классического образования, что утвердилась стараниями министров народного просвещения графа Д. А. Толстого и графа И. Д. Делянова, а также их идейных вдохновителей – М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева (бывших профессоров Московского университета, а на момент учебной реформы соредакторов «Московских ведомостей»). Как бы то ни было, но факт остается фактом – данная группировка консерваторов всегда горой стояла за предоставление почетного места латыни (в учебных программах гимназий) и римскому частному праву (в программе высшего юридического образования)³¹.

Консерваторы-государственники видели в римском праве неотъемлемую принадлежность традиционной юридической действительности. Римское право представало перед ними совокупностью институтов, существующих издавна (а это уже само по себе было способно придать такому объекту в глазах консерватора немалое обаяние) и к тому же обильно воспринятых законодательством Российской империи. Соответственно, представители этой когорты квалифицировали любую – реальную ли, мнимую ли – перчатку, брошенную римскому частному праву, не только в качестве беспардонного вызова истинам, проверенным на прочность веками (и даже тысячелетиями), но и как дерзкую попытку потрясти государственность, вобравшую в свою правовую систему римские нормы.

К римскому праву консерваторы-государственники благоволили и за тот вклад, который его изучение вносит в укрепление профессиональных качеств юриста. Они небезосновательно предполагали, что чем более юрист профессионален, тем менее его сознание поддается радикализации, ведущей к огульному неприятию существующего порядка. Что как не римское право способно укрепить юридическое мышление в его «умении вырабатывать юридические понятия и применять их к жизни», что как не оно тесно связано с конкретными нуждами имущественных отношений (поэтому-то, кстати, подчеркивалась значимость практической работы студентов со «сборником выписок из произведений лучших римских юристов – “Пандектами”»)³².

³¹ Не говоря уже о том, что ссылка на изречения римских юристов, цитирование латинских юридических афоризмов составляет одну из стилистических примет произведений Каткова и Победоносцева. Так, последний в своем переложении эссе Френсиса Бэкона «Суд» повторяет вслед за ним, что «судьи должны превыше всего помнить заключительное правило римских двенадцати таблиц: “*Salus populi suprema lex*”» (верховный закон – благо народное), должны знать, что всякие законы, если не согласуются с этим верховным законом, суть не что иное, как сеть лживая и вещание неправого духа». См.: Победоносцев К. П. Соч. СПб., 1996. С. 199.

³² Казанцев Л. Значение науки римского права. Киев, 1893. С. 14.

Надо думать, не без влияния консерваторов-государственников вступивший в силу в 1891 г. стандарт высшего юридического образования (а принят он был в едва ли не консервативнейшую эпоху из всех, что знала пореформенная Россия) закрепил осведомленность в области римского частного права в качестве главного квалификационного условия, предъявляемого к дипломированному специалисту. Вследствие признания римского права «основным требованием юридического испытания», этому предмету, понятно, не могло не отводиться «обширное место в факультетском преподавании». Причем как раз из тех соображений, что право это, «действовавшее как всемирный закон, остается как всеобщая теория права и служит школой высшего образования для посвящающих себя не только судебному поприщу, но и вообще служению государству в правительственном деле»³³.

И при М. Н. Каткове, и при его преемниках «Московские ведомости» – главное издание консерваторов-государственников – продолжали поддерживать классическую модель образования³⁴. Благодаря этому даже более чем привычная для русской консервативной мысли антипарламентарная тема получала порой весьма неожиданное выражение. Например, утверждение относительно обреченности государства, чьи законы творят невежи, подкреплялось указанием на падение культурного уровня членов британской палаты общин, главным подтверждением чему служило почти полное прекращение цитирования ими классиков (из-за скверного знания древних языков)³⁵. Правда, определенные нюансы зависели от того, кто в данный момент находился у руля газеты. Так, наименьшая расположенность к «римскому вектору» классической модели проявлялась в период недолгого редакторства профессора А. С. Будиловича, стоявшего на позициях консервативного панславизма, а потому бывшего сторонником перенесения акцента на «греческий вектор»³⁶. Даже В. А. Грингмут (редактор в 1896–1907 гг.), бывший филологом-классиком по образованию и преподавателем римской словесности, отдал свою дань распространенным в 1900-е гг. среди правых поискам такого пути реформирования средней школы, которое, будучи направлено «против космополитизма и ослабления религиозного начала в воспитании», справилось бы с тем, что оказалось не под силу классической модели – выработало бы в «учащихся цельное и законченное национальное мировоззрение». В случае Грингмута эти искания привели человека, много лет руководившего основанным М. Н. Катковым и имевшим однозначно классицистскую окраску имп. Лицеем в память цесаревича Николая, к выдвиганию модели «Кирилло-Мефодиевской гимназии», чей учебный план предусматривал, между прочим, усиление изучения древнегреческого за счет сокращения латыни³⁷.

Но в целом все это не мешало главному печатному органу консерваторов-государственников оказывать на протяжении 1890–1910-х гг. знаки расположения непосредственно римскому частному праву. Его, согласно воззрению В. А. Грингмута, ставшего с 1905 г. еще и главой монархической партии, нужно знать уже потому, что «законы Древнего Рима изучаются всем цивилизованным миром и составляют основу права в современных законодательствах». Более того, В. А. Грингмут не мог не восхищаться стилистической огранкой римских юридических текстов, ибо «выразительность, яс-

³³ Экзаменационные требования, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссии юридической. СПб., 1891.

³⁴ См., например: Черногоров Г. Значение древних языков как учебных предметов гимназий // Московские ведомости. 1896. № 280. С. 2; Школьные «требования жизни» // Московские ведомости. 1915. № 98. С. 1; Школа труда или школа праздности // Московские ведомости. 1915. № 112. С. 1.

³⁵ <Не-брит.> Ослабление классицизма в британском парламенте // Московские ведомости. 1908. № 85. С. 4.

³⁶ Национальная струя в средней школе // Московские ведомости. 1908. № 196. С. 1.

³⁷ См.: <Энтей.> Русский классицизм // Московские ведомости. 1909. № 31. С. 2; <Н. Т.> Русский классицизм // Там же. № 32. С. 1–2.

ность, краткость, точность и определенность делает законы Рима художественными по языку и изложению»³⁸.

Живо отзывались «Московские ведомости» и на новинки романистической литературы. Положительно оценив вышедшую в свет докторскую диссертацию Н. П. Боголепова «Формальное ограничение свободы завещания в римской классической юриспруденции», газета в этой связи не просто воздала ритуальные похвалы римскому праву, но без обиняков заявила, что оно должно стать «центром университетского образования»³⁹. После же назначения этого профессора Московского университета министром народного просвещения «Московские ведомости» публикуют составленную им автобиографическую заметку, где автор делает упор на описании своего становления в качестве исследователя проблем римского права⁴⁰. И впредь в том, что касалось преподавания этой дисциплины, «Московские ведомости» не раз обращались к авторитетному мнению достигшего бюрократических вершин романиста. Например, о необходимости скрупулезной работы с источниками римского права в рамках семинаров: «Если в университете студент успевает набить себе голову множеством юридических фактов и теорий, но не научается работать с первоисточниками, то есть сам не умеет добывать эти факты и проверять эти теории – то лучше бы ему совсем не ходить в университет. Он ничуть не продвинулся в своем умственном развитии, а между тем приобрел претензию на высшее общественное и служебное положение»⁴¹.

«Московские ведомости» сочли заслуживающим всяческих похвал и труд профессора Н. Суворова «Об юридических лицах по римскому праву»⁴². Им также пришелся по нраву тот прием, к которому прибег К. П. Победоносцев в своем труде «Курс гражданского права. Договоры и обязательства». А именно, что автор, занявшись «сравнительно-законодательным изучением отдельных обязательственных договоров», начал с права римского, затем «переходя к главнейшим видам действующих европейских гражданских кодексов»⁴³. Обращение к компаративной методологии, предполагающее сопоставление того или иного института русского гражданского права с цивилистическими институтами, бытующими в других законодательствах (и прежде всего – с римско-правовыми нормами), было сочтено «Московскими ведомостями» весьма перспективным.

Не менее показательны те большие некрологи, коими «Московские ведомости» почтили память двух «выдающихся знатоков римского права и судопроизводства» – именитых немецких романистов Рудольфа Иеринга и Бернгарда Виндшейда. «В том номере мюнхенской “Всеобщей газеты”, где помещалась программа лекций, предполагаемых к прочтению в Геттингенском университете, под рубрикой “юридический факультет” на первом месте обычно значилось: “Пандекты, проф. Рудольф фон Иеринг”. Эта публикация манила немало правоведов из всех стран в старинный университетский город Тюрингии в надежде прослушать курс римского права от самого знаменитого и блестящего преподавателя этого предмета...» – таким элегическим вступлением открывался некролог Иеринга⁴⁴.

Консерваторам, чьим форумом являлись «Московские ведомости», немало импонировало то, что Р. Иеринг никогда «не искал дешевой популярности и не угождал каким-либо модным веяниям или политическим направлениям, не стесняясь отстаивать свои взгляды, хотя бы они шли вразрез с укоренившимися и общераспространенными мне-

³⁸ Цит. по: Диктатура // Русская земля. 1907. № 338. С. 3.

³⁹ <П. П.> Библиографическая заметка // Московские ведомости. 1881. № 151. С. 3.

⁴⁰ Новый попечитель Московского учебного округа // Московские ведомости. 1895. № 183. С. 4.

⁴¹ См.: Грибовский В. В. Отзыв об юридических факультетах в России // Московские ведомости. 1898. № 113. С. 5.

⁴² <Р.> Исследование по юридическим лицам // Московские ведомости. 1900. № 84. С. 4.

⁴³ Борзенко А. Непокосимость договоров по науке права и судебной практике // Московские ведомости. 1890. № 305. С. 6.

⁴⁴ <Г.> Рудольф фон Иеринг (некролог) // Московские ведомости. 1892. № 252. С. 4–5.

ниями, считавшимися непогрешимыми, никогда не отступая от научной истины ради каких бы то ни было софизмов». В назидание русским либеральным юристам, любившим укрываться за авторитетом автора «Борьбы за право», они концентрируют внимание на незавидной оценке, данной Р. Иерингом суду присяжных. «Когда в 1889 году в Германии разгорелся спор о пользе и достоинствах суда присяжных, Иеринг не побоялся пойти вразрез с общественным мнением своей страны. На одном из съездов юристов Иеринг сказал: «Введение суда присяжных несомненно содействовало в свое время конституционному устройству большинства европейских государств, и эту заслугу я готов признать за этим судом, несмотря на все его недостатки. Иное дело, когда мы станем смотреть на суд присяжных как на институт постоянный, сохранить который желательно навсегда. В этом смысле я должен оспаривать пользу этого института и убежден, что настанет время, когда народы скажут: 'Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться'...»⁴⁵. Заметим здесь, что и при жизни Иеринга передовые статьи «Московских ведомостей», посвященные критике судов присяжных, содержали ссылки на его мнение о том, что если таковые суды и имеют хоть какую-нибудь «ценность», то лишь в качестве проводников конституционализма⁴⁶.

Что же касается моды на Иеринга в русских либеральных кругах, то «Московские ведомости» могли объяснить ее разве что тем, что покойный романист «обращал наибольшее внимание на философскую отвлеченную сторону римского права», ибо сам «обладал пламенной и увлекающейся фантазией»⁴⁷.

Своеобразие же дарования Бернгарда Виндшейда, напротив, усматривалось в присущей этому ученому деловой складке – «позитивный Виндшейд всецело сосредотачивался на практических целях своей любимой науки». Выдвигая на первый план достижения обладавшего «характером администратора и государственного человека» профессора-романиста в деле государственного строительства, «Московские ведомости» полагали, что его «особенной заслугой должна быть признана патриотическая ученая деятельность в Комиссии по выработке общего Гражданского уложения, где Виндшейд немало потрудился для своего Отечества и в великой степени содействовал объединению Германии под одной властью»⁴⁸.

Вообще немецкая система преподавания римского права всегда пользовалась у русских консерваторов, не беря в расчет немногих закоренелых самобытников, необычайно высоким престижем. Еще в самом начале 40-х гг. XX в. «Москвитянин» с непритворной теплотой откликнулся на воспоминания профессора Московского университета П. Редкина о том, как он учился римскому праву в стенах Гейдельбергского университета. Более всего тронула рецензента «Москвитянина» та часть статьи, где говорилось о лекциях профессора Тибо. «Кажется, видишь, как седовласый старец объясняет своим слушателям мельчайшие оттенки римского права, которое он обрабатывает с особенным тщанием»⁴⁹. Заметим, что отзыв этот, вне всякого сомнения, представляет собой весьма примечательное явление, учитывая, что «Москвитянин» никак не был ревностным поборником внедрения римско-правовых начал, а сам Редкин принадлежал к кружку западников, пикировавшихся с направлением «Москвитянина».

Тут, пожалуй, нужно оговориться еще раз, что самобытнический элемент в воззрениях идеологов официальной народности не занимал того места, которое ему было отведено во взглядах славянофилов. Если брать трех родоначальников этой теории – графа С. С. Уварова, М. П. Погодина и С. П. Шевырева, то окажется, что первый как министр народного просвещения способствовал появлению в России гимназии классического

⁴⁵ <Г.> Рудольф фон Иеринг (некролог) // Московские ведомости. 1892. № 252. С. 4–5.

⁴⁶ См., например: Московские ведомости. 1889. № 234. С. 2.

⁴⁷ Бернгард Виндшейд (некролог) // Московские ведомости. 1892. № 291. С. 5.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ <Николай К-ч.> Критика // Москвитянин. 1841. № 10. С. 459–467. См. также: Юридические записки, изданные П. Редкиным, проф. и доктором права. М., 1841, Т. 1.

типа, а второй как историк оставался в своих представлениях по поводу генезиса русской государственности твердым норманистом, противостоя доказывающим обратное славянофилам. Эти попытки М. П. Погодин считал таким прегрешением против истины, которое не может быть оправдано никаким патриотическим чувством. В свое время на страницах издаваемого Погодиным «Москвитянина» была помещен очерк Э. Куника. Этот доцент Берлинского университета в целях знакомства с российским законодательством и правоведением длительное время находился в Москве, читал лекции в здешнем университете, перевел на немецкий «Энциклопедию права» К. Д. Неволина и, между прочим, делал обзоры немецкой юридической и исторической литературы для «Москвитянина». В той статье, о которой идет речь, Куник делает выпад против «некоторых немецких юристов», у которых наблюдается «какой-то энтузиазм к древненемецкому праву, прежде чем оно слилось с римским правом». На самом же деле «часто это одушевление бывает ошибочно, коль скоро дело коснется до его существа»⁵⁰. Нельзя исключать, что, давая ход публикации, содержащей такого рода мнения, Погодин полагал, что это, в том числе, будет поучительно для славянофилов, удерживая их от схожих увлечений в области истории русского права. Позиция С. П. Шевырева по степени выраженности самобытных настроений ближе всего стояла к славянофильской. Но и у него имелись свои симпатии в области романистики и преподавания римского права. В частности, он взял под защиту корифея немецкой университетской романистики тех времен – Савиньи и основанную им историческую школу от обвинений в «односторонности» со стороны вождя московских западников профессора Т. Н. Грановского⁵¹.

Что касается благосклонности, проявляемой к преподаванию римского права в Германии со стороны тех консерваторов, что сплотились в 60–90-е гг. подле журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» (причем благосклонности, проявляемой вопреки всей германофобии их внешнеполитической ориентации), то для нее помимо общепризнанного профессионализма немецких романистов имелась и еще одна существенная причина. В необычайно высокой политизированности русского студенчества, превратившей университеты в рассадник вольнодумства и пристанище антигосударственно настроенных элементов, считали они, был повинен Университетский устав 1863 г. Будучи принят в сравнительно либеральную эпоху, он предоставлял профессорам, как ординарным так и экстраординарным, широкую свободу и в выборе тематики преподаваемых курсов, и в определении их содержания. С точки зрения консерваторов, такие вольности, помноженные на слабую подготовленность преподавательских кадров в области фундаментальных знаний и кружащее головы иным профессорам желание снискать себе дешевую популярность среди студенческой массы, привели к «моде читать в области общественных наук не полные курсы, а какие-то отрывки по отдельным вопросам, почему-либо интересовавшим лектора», и вдобавок «отмеченные тенденциозным оттенком».

При сравнении же положения дел в отечественной системе высшего юридического образования с постановкой соответствующего образования в Германской империи консерваторов обескураживала явная невыгодность такого сопоставления для России. «Курсы наших профессоров-юристов, – с чувством явного сожаления отмечали «Московские ведомости», – далеко не отличались строгой выдержанностью и полнотой, которыми проникнуты соответствующие курсы в германских университетах». Едва ли не главный секрет того, что наставники будущих юристов в Германии «вместо заигрывания с учащейся молодежью стараются внушить своим слушателям уважение к созданным и поддерживаемым веками институтам собственности, брака и

⁵⁰ Куник Э. Литература истории в Германии за два последние года // Москвитянин. 1841. № 5. С. 75.

⁵¹ Шевырев С. Публичные лекции об истории средних веков г. Грановского // Москвитянин. 1843. № 12. С. 525.

наследства» (и это у них получается!), усматривался в серьезнейшем освоении здесь римского права⁵².

В ретроспективе такой подход заставлял порицать тех русских юристов, кто в бытность свою на стажировке в Германии сознательно уклонялся от приобщения к достижениям немецкой романистики. «Русский вестник», ведя речь о группе, посланной по предложению М. М. Сперанского в немецкие университеты (1831), указывает: «Наши студенты недостаточно обращали внимание на римское право и не довольно оценили его значение в области юриспруденции. Это было поводом к тому, что Савиньи стал холодно относиться к ним». И далее с осязательным оттенком неодобрения цитируется отрывок из письма одного из командированных, В. П. Знаменского, домой: «Эти господа налегают более на римское право. Оно для них есть вещь, а прочее все – гиль. Они хотели бы, чтобы мы знали оное так же, как это нужно у них. Нам же хочется образования более общего во всех отраслях правоведения и политики, а потом и в истории, и в философии, поскольку все это взаимно связано. Мы предаемся более и более от души этим предметам»⁵³.

С другой стороны, веруя в ничем не заменимую, с охранительной точки зрения, пользу, приносимую изучением римского права, консерваторы-государственники не скрывали того, что, на их взгляд, удручающее положение, сложившееся в высшем юридическом образовании, может быть исправлено лишь «новым поколением профессоров-юристов, которые бы вместо избитых общих мест дали бы своим слушателям твердые положительные знания, почерпнутые от корифеев юридической науки в Германии»⁵⁴. Поэтому инициатива министерства народного просвещения об отправке в ведущие немецкие университеты молодых русских юристов для пополнения познаний в области романистики (1887), а также усилия, предпринимаемые в этой связи председателем Ученого комитета министерства А. И. Георгиевским (бывшим непосредственным куратором проекта), получили однозначную поддержку тех консерваторов, трибуной которых служили «Московские ведомости».

После того как минуло пять лет с момента появления Русского института при Берлинском университете по подготовке профессоров римского права (таково было его официальное название, применявшееся преимущественно в делопроизводственной переписке, чаще же он обозначался как «Берлинский семинар» или «Берлинская семинария»), где преподавание сводилось «к чтению и интерпретации Юстинианова законодательства» и велось на немецком языке, «Московские ведомости» помещают обстоятельный отчет о его работе.

Стремление показать, что питомцам Института, уже занявшим или только еще готовящимся занять кафедры римского и гражданского права в русских университетах, передавали и передают знания по римскому праву светила не только немецкой, но мировой романистики, заставило представить каждого профессора семинара в ореоле всех его академических регалий. «Профессор Экк заведует той частью преподавания, в которой так нуждаются русские университеты, показывая, как абстрактные положения сухой догмы римского права получают применение в самой жизни, отвечая практическим потребностям гражданского оборота; как известно, римское право является в Германии действующим, оно составляет здесь часть *Gemeines Recht*, дополняя пробелы гражданских кодексов». Другого профессора, Пернице, «Московские ведомости» аттестуют как «единственного после смерти Р. Иеринга основательного знатока истории римского права». Из практических занятий с его участием, «где интерпретируется комментарий Гая, один из самых ценных источников, завещанных нам эпохой классических юристов, наши ученые выносят тот строгий критический подход к источникам права, который

⁵² Московские ведомости. 1893. № 146. С. 5.

⁵³ Смирнов С. Один из питомцев Сперанского // Русский вестник. 1866. Январь – февраль. С. 312–341.

⁵⁴ Московские ведомости. 1893. № 146. С. 5.

составляет *conditio sine qua* поп научного отношения к делу, благодаря чему наши будущие профессора будут черпать исторические сведения не из вторых рук, а непосредственно из строго проверенных и изученных памятников римской юриспруденции». Наконец, «Московские ведомости» представляют профессора Дернбурга: «его “Пандекты” служат здесь для Staatsexamen’a, он заведует этой великой отраслью преподавания, сообщая членам семинарии вековой запас юридической мудрости, выработанный в лаборатории трудолюбивого немца».

«Московские ведомости» повествуют и о тех внушительных результатах, которые дало обучение римскому праву в немецких условиях, указывая, в частности, на то, что «уже девять слушателей (Катков, Смирнов, Гуляев, Пассек, Тиле, Веймар, Соколовский и Дымовский) занимают доцентские места в России, труды некоторых из нынешних слушателей – Колятинского, Кривцова, Покровского и Петражицкого – также известны». Рассказ «Московских ведомостей» о Русском институте в Берлине завершалось пожеланием «процветания этому полезному учреждению, долженствующему дать нашим юридическим факультетам профессоров, стоящих на высоте европейской науки»⁵⁵.

Стоило на рубеже XIX–XX вв. завязаться дискуссии о том, насколько плодотворно при подготовке юридических кадров изучать римское право в столь значительных объемах, как «Московские ведомости» оказались в первой шеренге защитников исключительной роли этой дисциплины для профессионального образования. При этом им приходилось отражать вылазки не только слева.

К примеру, «Московские ведомости» досадовали на точку зрения, нашедшую себе приют на страницах «Нового времени», вполне консервативного органа печати (по крайней мере, на то время), о том, что, «пока студент добирается до законов своей страны, его долго душат римским правом, Кодексом Юстиниана и разными совершенно ненужными для науки определениями юридических понятий, данными римскими юристами», поскольку «римским правом расширяются юридические понятия и мы должны изучать юриспруденцию *ab ovo*»⁵⁶. Моментально парировав такое «весьма своеобразное объяснение невежеству молодых юристов», «Московские ведомости» камня на камне не оставили от аргументации укрывшегося под псевдонимом «Ergo» автора, чей опус появился, подчеркнем, в самой влиятельной (по соотношению тиража и состава читательской аудитории) газете Российской империи. «Проповедь изгнания римского права из университетского курса не нова, но в данном случае она совсем уже не имеет никакого смысла, ибо молодые юристы оказываются одинаково невежественными как в римском, так и в русском праве. При таких условиях можно говорить об усилении научных требований, а не об их ослаблении», – таков заключительный аккорд отповеди, обращенной не только к «Новому времени», но и ко всем покушающимся на исключительное положение римского права в череде прочих юридических знаний⁵⁷.

Однако при всем своем уважении к римскому праву «Московские ведомости» в отличие от большинства либеральных юристов не были безоглядно убеждены в его применимости ко всему имущественному обороту, равно как и в его приемлемости для всех социальных слоев. Это хорошо видно по занятой ими позиции относительно так называемого «крестьянского права», основанного на обычаях. «Московские ведомости» придерживались точки зрения о необходимости параллельного сосуществования двух уровней гражданского права – обычного (уготованного для основной части населения «крестьянского царства», каковым являлась на рубеже XIX–XX столетий Россия) и писаного, уходящего своими корнями в римское право. Оттого они полагали полезным массированное изучение обычаев на юридических фа-

⁵⁵ <Л. Б.> Русская юридическая семинария в Берлине // Московские ведомости. 1893. № 146. С. 5.

⁵⁶ <Ergo.> Б/н. // Новое время. 1902. № 9532.

⁵⁷ Римское право виновато // Московские ведомости. 1902. № 259. С. 4.

культетах университетов России. «Для того, чтобы крестьянские суды содействовали развитию правомерного порядка среди многомиллионного крестьянского населения, отвечающего бытовым и историческим условиям народа, необходимо, чтобы русские университеты пришли на помощь великому делу изучения и развития национального права русского народа. Теперешние программы юридических факультетов не отвечают жизненным потребностям русского народа. Недостаточно еще знакомить студентов с писаными законами страны, но необходимо знакомить еще и с русским обычным правом. Таким образом, открытие кафедр обычного права является важным делом для обеспечения крестьянскому населению суда, отвечающего жизненной и материальной правде, и для национального развития русского народа в сфере правовой жизни»⁵⁸.

Таким образом, хотя консерваторы-государственники не демонизировали римское право (подобно иным консерваторам-самобытникам) и даже были способны различить в нем охранительный потенциал, но все же рецепция римского права русской деревней и ими расценивалась как явление скорее нежелательное. Недаром же им пришлось по душе идея насчет того, что «при громадном большинстве мужицких дел вовсе не требуется знания римского права, Кодексов Юстиниана и Наполеона I, а достаточно знать лишь элементарные основы русского законоведения». Отчего для удовлетворения правовых нужд русской деревни надо «учредить низшие и средние юридические школы для подготовки сельских адвокатов» (в подготовке которых участие римского права было бы сведено к минимуму)⁵⁹.

Не умолчим и о том, что признание этих консерваторов к изучению римского права была явлением строго локальным, не распространяясь на правовое просвещение вообще. О чем, в частности, свидетельствуют жаркие возражения журнала «Русский вестник» против введения в круг гимназических дисциплин законоведения. Этот ветеран консервативной периодики с самого момента своего основания М. Н. Катковым старался поощрить «классическую» модель в среднем гимназическом обучении и «романистическую» модель в высшем юридическом образовании. Введение же нового предмета – законоведения, включающего философию права, государственное право, уголовное право и процесс, гражданское право и процесс, должно было производиться за счет сокращения преподавания латыни. Но, предупреждал «Русский вестник», в таком случае на юридических факультетах «окончательно перестанут учиться, ибо эти науки уже серьезно изучаться студентами не будут, а для изучения римского права не будет хватать знания латыни, а в результате судебное ведомство лишится образованных юристов»⁶⁰. Можно, однако, предположить, что «Русским вестником» двигала не только забота о доброкачественном познании римского права, но и нежелание оставить гимназистов один на один с теми теориями государства и права, чью идейную небезобидность он вовсе не был склонен преуменьшать.

И все же те, кто группировался вокруг «Московских ведомостей», сравнительно устойчиво поддерживали приоритетность римского права для юридического образования. Но были и такие консерваторы, которые вступались за романистические дисциплины (и вспоминали в этой связи про все добродетели римского права) лишь в строго определенных ситуациях – тогда, когда, как им казалось, улавливали смычку антимонархических и, так сказать, антиримских настроений. Лишь если призывы ревизовать преподавание римского права доносились из идейно противоположного лагеря, такие консерваторы открывали ответный огонь по окопавшимся на левом фланге врагам римского права – сиречь государственного строя.

⁵⁸ Судебно-крестьянская реформа // Московские ведомости. 1897. № 261. С. 2.

⁵⁹ См.: Глубоковский Н. Распространение юридического образования // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. № 296; Вопрос о распространении юридического образования // Московские ведомости. 1896. № 299. С. 3.

⁶⁰ Упразднение просвещения // Русский вестник. 1901. Сентябрь. С. 274–275.

Наглядный пример тому – бурная реакция «Русской земли» на одно из заседаний московского Кружка помощников присяжных поверенных, посвятивших себя изучению гражданского права.

Поскольку «Русская земля» соотносила себя скорее со славянофильской линией, нежели линией, именуемой ею «абсолютистско-бюрократической», постольку этому изданию случалось нападать и на такое проявление последней, как «толстовско-дедяновский классицизм»⁶¹. Добавим также, что с прекращением издания «Русской земли» ее редактор С. К. Глинка-Янчевский вместе с ведущими сотрудниками редакции перебрался из Москвы в Петербург, где стал бессменным руководителем «Земщины», органа фракции правых Государственной Думы. И возглавляемая им «Земщина» также продолжала отстаивать противницей классической модели образования⁶².

С другой стороны – явный переполох среди тех консерваторов, чьим рупором являлась «Русская земля», вызвала позиция, обозначенная в лекции «Живем ли мы до сих пор под действием римского права?», прочитанной профессором Московского университета С. А. Муромцевым.

Маститый знаток римского частного права, отвечая на вопрос, стоящий в названии лекции, будто бы сказал: «Мы не живем более под действием начал римского права, а потому изучать его не стоит. Перенимайте хорошее у других людей, но у людей живых, действующих в культурных условиях современности». Автора статьи, подписавшегося «Старым юристом», ужаснуло, что «собрание поддержало мысль об излишности изучения римского права и в похоронах римского права приняли участие также проф. Шершеневич и прив.-доц. Кистяковский». «Бедное римское право! Бедные профессора римского права, сами себя упраздняющие! Бедные “нео-юристы”, обрекающие себя на невежество!» – саркастически сокрушается он⁶³.

Редакция посчитала нужным сопроводить статью «Старого юриста» комментарием от себя. В приведенных фактах предлагалось видеть неопровержимую улику существования паутины международного заговора, нацеленного на разрушение Церкви и Государства, дабы на их развалинах воздвигнуть «царство золотого тельца». Ну а поскольку «римское право является той стройной системой гражданско-правовых отношений, которая развила во всем мире понятие о праве», то неприятели исторической и национальной государственности не могут не строить козней против преподавания римского права юношеству. И именно в этих поползновениях «проявляется последовательный ход разрушения современных государств».

Что же касается самого оратора, то С. А. Муромцев в глазах редакции «Русской земли» был в первую очередь председателем крамольной I Государственной Думы. Той самой «Думы народного гнева», которая была особенно нелюбима консерваторами за использование ее депутатами парламентской трибуны для рассуждений о не терпящем отлагательства отчуждении помещичьих земель. Поскольку после роспуска этой Думы депутаты ослушались монаршего указа, устремились на «преступное сборище» в Выборг и приняли «мятежное воззвание», постольку они были (не исключая и экс-председателя) привлечены к уголовной ответственности и осуждены. Имея в виду все эти изгибы политической биографии С. А. Муромцева, редакция «Русской земли» истолковывает пружины поступка, столь экстравагантного для человека, чья научная карь-

⁶¹ См., например: *Калинин*. Больной человек // *Русская земля*. 1908. № 613. С. 3.

⁶² См., например: *Нужны ли мертвые языки?* // *Земщина*. 1911. № 863. С. 2; *Правильное осуждение* // *Земщина*. 1911. № 863. С. 2.

⁶³ <Старый юрист> Самоупразднение // *Русская земля*. 1908. № 831. С. 2–3. Мы можем лишь предположить, что в своем докладе (с которым, надо сказать, «Старый юрист» ознакомился не непосредственно, а по газетному пересказу) С. А. Муромцев, будучи единственным в отечественной романистике представителем социологической школы, развивал свои методологические идеи, приглашая сменить догматический аналитический инструментарий, обычно применяемый при разработке римского права, на социологический. См.: *Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. М., 1878.

ера была построена именно на занятиях римским частным правом, следующим образом. Муромцев с легким сердцем пошел на публичное «самоупражнение себя как человека науки», поскольку-де «сторицей выигрывал как наемник масонов» и вдобавок ничего не терял, зная, что ввиду «университетской автономии» правительство не решится выбросить с кафедры будто бы никому не нужный предмет»⁶⁴.

Всю ситуативность подобного, оперирующего сугубо статистическими резонами, отставания римского права в качестве учебной дисциплины доказывает уже то, что те же самые мотивы с легкостью могли привести к зеркально противоположным заключениям. Например, к таким: «До настоящего времени все собственно университетское юридическое образование состоит в сообщении познаний по римскому и русскому гражданскому праву и процессу... Засилье гражданского права в университетских программах привело нас к засилью судебных деятелей на административных постах и к засилью судов над администрацией. Характерной чертой наших законов является умаление в них государственных начал и возвышение начал индивидуальных. И это разносит основы нашей государственности»⁶⁵.

Сделаем краткие выводы. Во-первых, процесс усвоения российским правом римских норм оказался в самом эпицентре интеллектуальных баталий, в ходе которых эти нормы соразмерялись с социально-философскими, культурологическими и историософскими началами практически всех идеологий, имевших хоть какое-нибудь распространение в России середины XIX – начала XX вв. Такая аксиологическая экспертиза довольно быстро выявила идеологический статус римского частного права применительно к специфическим условиям пореформенной действительности.

Во-вторых, практически для всех течений русской мысли сущность римского частного права стала инобытием таких понятий, как «рациональность», «индивидуализм», «Запад». Несколько реже производилась привязка римского частного права к понятиям «порядок» и «стабильность».

В-третьих, споры вокруг преподавания римского права рельефно отобразили то противоборство во многом взаимоисключающих систем ценностей, которым, собственно, и определялся идейный климат России в промежутке между Великими реформами и Великими потрясениями.

KARTZOV A. S.

IL DIRITTO ROMANO COME MATERIA DI INSEGNAMENTO NEL PENSIERO DEI CONSERVATORI RUSSI DI FINE SEC. XIX – INIZIO SEC. XX

(RIASSUNTO)

La recezione, in qualunque paese essa abbia luogo, oltre all'aspetto propriamente giuridico che si riduce all'adattamento dal diritto locale delle procedure e degli istituti romani, acquisisce immancabilmente anche un aspetto ideologico. In un modo o nell'altro, sempre avviene un raffronto del diritto romano con i valori che stanno alla base dei tipi di percezione della realtà sociopolitica propri di una certa epoca.

Non ne faceva eccezione quell'acquisizione delle norme di diritto romano che ebbe luogo in Russia.

L'approccio dei conservatori russi per lo studio del diritto romano manifestava una certa complessità. Una parte di loro (prevalentemente i rappresentanti della corrente slavofila) guardava con circospezione lo studio del diritto romano privato e le prospettive di una sua ulteriore

⁶⁴ От редакции // Русская земля. 1908. № 831. С. 3.

⁶⁵ Федоров А. Трагизм администрации // Голос России. 1916. № 8. С. 5–7.

recezione dal diritto russo. Tra i conservatori però vi erano pure dei difensori convinti della causa del diritto romano privato in quanto materia giuridica di importanza primaria. Loro consideravano il diritto romano come un componente inalienabile della realtà giuridica circostante, come un sistema delle norme esistenti da tempo (e ciò di per sé negli occhi di un conservatore risultava un indubbio punto positivo) e per di più nella loro gran parte recepite nella legislazione dell'impero Russo.

In generale l'analisi dei dibattiti tra radicali, liberali e conservatori circa il posto che sarebbe spettato al diritto romano nel sistema dell'istruzione giuridica russa dimostra che praticamente per tutte le correnti del pensiero russo l'essenza del diritto romano privato era finita per identificarsi con tali concetti del discorso istoriosofico come «razionalità», «individualismo», «Occidente». Più raramente il diritto romano privato veniva messo in relazione con i concetti «ordine», «stabilità».